Для цитирования: Панюшкина Е.В. Некоторые аспекты реализации экономических интересов в цифровой экономике // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 101–105.

УДК 330.16

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Панюшкина Елена Владимировна,
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
доцент кафедры экономической теории,
кандидат экономических наук,
Омск, Россия.
E-mail: paniushkina@mail.ru

Аннотация
Рассматривается проблема реализации экономических интересов в условиях перехода современной России на новый социально-экономический уклад. Формируются противоречия, обусловленные модернизацией институциональной системы, в которой создаются «цифровые платформы». Цифровая экономика аккумулирует новые вызовы обществу, отражающиеся в появлении новых объективных противоречий между оцифрованными и неоцифрованными экономическими интересами, усложняет механизмы реализации экономических интересов агентов, находящихся за «цифровыми платформами». Анализируются тенденции размытости границ ответственности регулятора за реализацию экономических интересов в условиях трансформации российского общества.

Ключевые понятия:
экономические интересы, ответственность регулятора, цифровизация общества.

Активное проникновение виртуального мира в экономическую сферу общества вносит существенное изменение в работу механизмов реализации экономических интересов, так как формируется виртуальная реальность, трансформирующая поведение экономических агентов. Появляется потребность детального исследования происходящих изменений в системе экономических интересов, механизмов их реализации.

Актуальность проблемы обусловлена динамичностью современного экономического пространства, вызывающей несогласованность в действиях и ожиданиях экономических агентов, а также в работе механизмов реализации экономических интересов хозяйствующих субъектов. Виртуальный мир меняет организационную форму экономической деятельности, усложняет сущность явлений, модифицируя их. Буквально в начале текущего столетия для организации работы предприятия требовалась значительная концентрация ресурсов. Сегодня, благодаря сетевым формам взаимодействия, предприятие можно создать в любой точке мира, привлекая необходимые ресурсы любого региона. Наблюдается процесс замены физической формы стадий общественного воспроизводства виртуальными аналогами. Результатом данного явления, на наш взгляд, является формирование нового противоречия современной эпохи, а именно: потеря адекватного восприятия объекта управления из-за отсутствия его территориально-ограниченной инфраструктуры институтами, включенными в механизмы реализации экономических интересов, с одной стороны, и ускоренная динамика формирования новых экономических интересов, с другой стороны. Согласно Э. Кастранову, «население виртуальных миров стремительно растет с 1996 года, и в каждом из них развивается уникальная экономическая система со своими производствами, активами и взаимоотношениями с реальной экономикой Земли» [3, с. 217]. Сложность балансировки этих систем увеличивается в разы. Поэтому институты, отвечающие за реализацию экономических интересов при работе рыночного и внерыночного механизмов, все чаще применяют методы виртуального моделирования, созидающие идеальный мир с его равнодоступностью, безбарьерностью, безграничностью.

На практике, однако, данные экономические модели, отвечающие иллюзиям идеального мира, сталкиваются с реальными экономическими проблемами, вызванными ограничениями, конкуренцией, управлен-

ческими ошибками, возможностью реализации права на защиту интересов. Примеров из жизненных ситуаций множество. Именно в этом и кроется опасность манипулирования собственной безответственностью институтами, отвечающими за реализацию экономических интересов. Так, по мнению Т.Н. Юдиной, экономические отношения виртуального мира игнорируют этические и духовно-нравственные принципы, становятся все более обезличенными, расширяя проблему цифрового неравенства [9, с. 14].

Экономические модели и механизмы, имеющие множество допущений при построении математических моделей, по большому счету, могут создать идеальную реальность виртуального мира, содержащую готовые «рецепты» по решению экономических проблем. Но реальная экономика многократно сложнее, она пронизана внешними и внутренними взаимозависимыми процессами и поэтому трудна в тривиальном восприятии. Существующие в реальной практике противоречия не позволяют экономической теории, рассматривающей проблемы через различные аспекты, предложить обществу однозначные безошибочные ответы при решении конкретных экономических проблем.

Возьмем, к примеру, модели пенсионного обеспечения. Мировой практике известны пенсионные системы распределительного и накопительного типов. Специфика распределительной системы состоит в том, что покрытие текущих расходов на выплату пенсий происходит из текущих поступлений. Иногда ее называют солидарной, поскольку, основываясь на принципе солидарности поколений, бремя пенсионного обеспечения пожилого населения несет на себе экономически активная часть общества. В России данная модель пенсионного обеспечения использовалась до 2001 года.

Однако в мире, начиная с 80-х годов прошлого столетия, распределительные пенсионные системы большинства европейских стран столкнулись с острыми проблемами, вызванными демографическим кризисом, с одной стороны, и ростом продолжительности жизни, с другой. Россия столкнулась с похожими проблемами, которые не имеют, в случае развития пенсионного обеспечения по выбранному типу, быстрого решения. Демографические проблемы заложили долгосрочный тренд вплоть до 2030 года, когда работающее население не способно обеспечить финансирование граждан пенсионного возраста. И не только удвоение пенсионной нагрузки вызвало недовольство работающего населения, но и уравнительный подход распределительной пенсионной системы, а также сохранение различных механизмов льгот и досрочного выхода на пенсию.

Перед правительствами различных стран остро встал вопрос о поиске варианта замены нежизнеспособной в долгосрочной перспективе системы пенсионного обеспечения. Регулирующие органы вновь занялись моделированием, невзирая на общественный негатив, связанный с ущемлением экономических интересов в текущем потреблении. Виртуальные модели опирались на опыт реформ в пенсионных системах развитых стран, которые постепенно снижали долю распределительной пенсионной системы, увеличивая долю накопительной. В нашей стране пенсионная реформа началась на стыке 2001 и 2002 годов и завершилась в 2005 году. Вторая модель – накопительная, ориентированная на создание специального резерва, обеспечивающего все пенсионные выплаты в текущем и будущем периодах за счет пенсионных инвестиций в экономику. «Эффективные» модераторы смоделировали России пенсионную систему, в основе которой лежали три составляющих ее части: базовая, страховая и накопительная. С 2007 года практиковалась государственная программа стимулирования дополнительного обязательного пенсионного страхования путем софинансирования. Обществу был предложен пенсионный калькулятор, выявивший в пенсионной формуле заложенную социальную несправедливость, выражающуюся в исключении из расчета пенсионных начислений периода службы в армии, в снижении размера пенсии женщинам, находившимся в отпуске по беременности и родам, в неадекватности коэффициента замещения для представителей среднего класса и др.

Заметим, что каждая форма пенсионного накопления опиралась на экономическую модель, обосновывалась экономическими расчетами. При этом соблюдалась преемственность между формами пенсионного накопления в виде большого количества льгот и привилегий как для самих застрахованных, так и для их страхователей. Однако, по мнению А. Соловьева, сохранялась «непреодолимая тенденция снижения коэффициента замещения трудовой пенсии по старости утраченного заработка: в 2000 г. – 34%, 2008 г. – 26, 2010 г. – 39, 2020 г. – 28%» [6, с. 36].

Корректировка пенсионной модели продолжалась вплоть до введения эконо-

мических санкций в отношении России в 2014 году. С 1 января 2015 года была введена так называемая «новая пенсионная формула». Новый порядок формирования пенсионных прав граждан и расчета пенсии в системе обязательного пенсионного страхования предполагал, что трудовая пенсия трансформируется в два вида пенсий: страховую и накопительную. Для расчета страховой пенсии впервые было введено понятие «индивидуальный пенсионный коэффициент» (пенсионный балл), которым должен оцениваться каждый год трудовой деятельности гражданина. В рубли накопленные баллы будут переведены при назначении пенсии. Именно в баллах и заключается особенность нового порядка формирования пенсии граждан. Чтобы получить право на назначение страховой пенсии по старости, необходимо иметь 30 и более пенсионных баллов (однако эта норма в полной мере начнет действовать с 2025 года, а в 2015 году достаточно будет иметь 6,6 балла).

Однако санкционные последствия и падение цен на нефть привели к перегрузке бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации, был введен мораторий на пенсионные накопления. Регулятор ушел от ответственности, игнорируя экономические интересы участников действовавшей модели. По мнению А. Кудрина, «ошибка произошла вследствие другого критического просчета – отказа от повышения пенсионного возраста» [5]. Признание ошибки, к сожалению, не совпадает с общественными интересами, нивелирует степень ответственности регулятора и не защищает экономические интересы агентов в текущем потреблении. Новелла в пенсионной модели, стимулирующая более продолжительную карьеру, в настоящее время вновь не отвечает экономическим интересам основных групп населения. Итогом реформирования стал следующий результат: Россия вошла в пятерку худших стран для пенсионеров, согласно «2017GlobalRetirementIndex» (Глобальный пенсионный индекс – 2017), который ежегодно составляет компания Natixis Global Asset Management. Российская Федерация заняла 40-е место из 43-х, за ней следуют Бразилия, Греция и Индия. Лидерами стали Норвегия, Швейцария и Исландия. Такие страны, как Франция, Япония и Израиль, расположились в середине списка [11, с. 66].

«Цифровые платформы», которые создадут основу для перехода к новому социально-экономическому укладу, создадут новые матрицы экономических интересов, объединенных не по вертикали, а по сетевой горизонтали. Поэтому можно предположить, что виртуальность регулятора вновь не позволит экономическим агентам вступать с ним в непосредственное взаимодействие, что обостряет противоречия в работе механизмов реализации экономических интересов и создает проблемы в удовлетворении интересов всех агентов, ожидающих четкого понимания степени ответственности менеджеров при условии профессионального управления за предлагаемые для реализации различные модели. Нет сомнения, что «цифровые платформы» будут удовлетворять экономические интересы «цифровых игроков». Все, кто окажется за «платформой», не могут рассчитывать на защиту их интересов.

Безусловно, моделирование как метод познания необходим экономической теории для выявления связей и прогнозирования экономических явлений. Экономические модели позволяют науке изучать практику, выявляя специфику проявления различных феноменов. Так, по мнению С.В. Коловоротного, «моделирование в системе виртуальной реальности, манипулирование любыми пластами информации, может не только повлиять на качественно новое развитие любой производственной, торговой, финансовой и другой структуры, но и самым положительным образом на всю экономику страны в целом» [4]. Полагаем, что это одностороннее восприятие исследуемого явления. Единственно, в чем можно согласиться, так это с фактом, что выбранные правительством для реализации экономические модели подвергают социально-экономический уклад глубинным трансформациям. Объективный характер экономических интересов предопределяет их «погружение» в эволюционные изменения. Так, кардинальная трансформация отношений собственности в российском обществе при переходе от плановой экономики к рыночной модели привела к трансформации интересов, в результате которой появилась качественно новая система экономических интересов. Системная рыночная трансформация экономических отношений изменила мотивы реализации экономических интересов. Переход к новому социально-экономическому укладу в настоящее время осуществляется не эволюционным, а революционным путем. Поэтому порождает конфликт экономических интересов основных групп населения.

Ожидается, что модель, предлагаемая к апробации, предполагает ответствен-

ность автора. Особенно это важно в части экономической деятельности, пронизанной множественными интересами. Моделирование, вызывающее реформы, должно вестись как с учетом улучшения внутренних процессов системы, так и в рамках закономерностей развития внешней среды, просчитывающих мультипликативный эффект и последствия будущих периодов для отдельных категорий граждан, основных групп населения и государства в целом. Кстати, моделирование размывает границы ответственности менеджеров, создающих и реализующих разработанные модели. В этом состоит отрицательный эффект данного метода.

Постоянная смена «правил игры» подрывает доверие россиян к отечественной пенсионной системе, так как общественные представления в отношении пенсионной системы можно выразить в следующем формате: институт с долгосрочными временными ориентирами, правила работы которого не должны меняться в угоду исполнения краткосрочных обязательств государства либо неспособности регулятора эффективно использовать различные инструменты рыночного механизма. Любой элемент неопределенности в работе института размывает границы ответственности регулятора и способствует разбалансировке в работе механизмов реализации экономических интересов. Согласно точке зрения С.Г. Бариновой, «именно ответственность является основой качественной власти. Таким образом, ответственность власти есть четко определенное обязательство, цель которого – достижение и утверждение общего блага, исполнение же этого обязательства обусловлено правовыми и моральными нормами, интересами гражданского общества и конкретными историческими обстоятельствами» [2, с. 295]. К тому же, проблемы пенсионного обеспечения гораздо глубже и сложнее, чем создание новой виртуальной модели пенсионной системы.

Конечно, с учетом позиции регулятора можно делать ссылку на высокую степень неупорядоченности системы, давая тем самым объяснение, что достижение поставленных целей всегда связано с многовариантностью выбора средств и ведет к нарушению принципа равновесия. Например, по мнению В.А. Айвазова, «высокая энтропийность объясняется тем, что государство и различные его институты находятся под влиянием общества, в том числе и самих объектов регулирования» [1, с. 589]. Но такой подход рассматривает хаос как норму в работе всех общественных институтов. Такой подход не является бесспорным. Разделяем позицию О. Сухарева, считающего, что «если набор действий не приводит к результату, то его можно считать неадекватным целям развития» [7, с. 21].

Следовательно, необходимо вести разъяснительную работу с населением страны для осознания им потребности трансформации. С точки зрения В.А. Чеймето-вой, «основной причиной деятельности выступают интересы, являющиеся формой выражения и реализации потребностей личности. Чем большей степенью свободы располагает человек при выборе способов реализации своих интересов, тем выше качество его жизни» [8, с. 196]. Таким образом, прозрачная и доступная для всех агентов информация о возможностях цифровизации быстрее проявит оцифрованные и неоцифрованные экономические интересы, которые будут мотивировать агентов к деятельности.

Итак, цифровая экономика – это уже ближайшее будущее. Выбранный мегатренд трансформации общества не терпит отсрочки, так как весь мир стремительно развивается с помощью цифровых технологий и роботизации и вытесняет с рынков неконкурентоспособные страны. Однозначно, трансформацию будут претерпевать не только экономические интересы, но и механизмы их реализации, и система распределения ответственности за принятые решения. В частности, вызывает определенные опасения одно из предложений, отраженных в Резолюции по итогам 14 Красноярского экономического форума, а именно: необходимость формирования системного подхода к ответственности государственного служащего за результат с правом на ошибку и без права на ошибку [10].

Поэтому перед государством стоит задача минимизации киберрисков и защиты общественных интересов, перед бизнес-сообществом – защиты интересов «цифровых игроков», перед научным сообществом – выработка единых подходов для согласования оцифрованных и неоцифрованных экономических интересов. Крайне важно определить границы ответственности в условиях расширения информационного пространства, определив для этого инструменты ответственности за результаты управленческих решений. Виртуальное моделирование должно опираться на обоснованные взаимосвязи интересов общества, бизнеса и государства.

1. Айвазов В.А. Некоторые противоречия процесса государственного регулирования деятельности предприятий и иных хозяйствующих субъектов в условиях экономики трансакционных издержек // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4. Ч. 1. С. 588–591.
2. Баринова С.Г. Власть и ответственность в условиях социального кризиса // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 6. С. 294–298.
3. Кастранова Э. Бегство в виртуальный мир. М.: Феникс, 2010. С. 217.
4. Коловоротный С.В. Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1.
5. Кудрин выявил просчёты ПФР.URL: http://ruspolitika.ru/10-novosti/86-kudrin-vyyavil-proschjoty-pfr.html (дата обращения: 27.06.2017).
6. Соловьев А. О долгосрочной устойчивости пенсионной системы // Экономист. 2010. № 10. С. 36–47.
7. Сухарев О. Экономический рост: проблема управления // Экономист. 2016. № 7. С. 21–31.
8. Чейметова В.А. Характеристика уровня и качества жизни населения и факторы, на них влияющие // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4. Ч. 1. С. 194–196.
9. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12–16. URL:www.theoreticaleconomy.info (дата обращения: 17.06.2017).
10. Резолюция по итогам 14 Красноярского экономического форума. URL: http://krasnoforum.ru/page/1018 (дата обращения: 28.06.2017).
11. 2017-global-retirement-indexc. 67. URL: https://ngam.natixis.com/us/resources/2017-global-retirement-index (дата обращения: 27.06.2017).

References

1. Ajvazov V.A. (2014) *Ekonomika i predprinimatel'stvo,* no. 4, ch. 1, pp. 588–591 [in Rus].
2. Barinova S.G. (2014) *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta,* no. 6, pp. 294–298 [in Rus].
3. Kastranova E.H. (2010) *Begstvo v virtual'nyj mir. Moscow, Feniks,* p. 217 [in Rus].
4. Kolovorotnyj S.V. (2003) *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza*, no. 1 [in Rus].
5. Kudrin vyyavil proschyoty PFR, available at: http://ruspolitika.ru/10-novosti/86-kudrin-vyyavil-proschjoty-pfr.html (accessed 27.06.2017) [in Rus].
6. Solov'ev A. (2010) *Ekonomist*, no. 10, pp. 36–47 [in Rus].
7. Suharev O. (2016) *Ekonomist*, no. 7, pp. 21–31 [in Rus].
8. CHejmetova V.A. (2014) *Ekonomika i predprinimatel'stvo,* no. 4, ch. 1, pp. 194–196 [in Rus].
9. Yudina T.N. (2016) *Teoreticheskaya ekonomika*, no. 3, pp. 12–16, available at: www.theoreticaleconomy.info (accessed 17.06.2017) [in Rus].
10. Rezolyuciya po itogam 14 Krasnoyarskogo ekonomicheskogo foruma, available at: http://krasnoforum.ru/page/1018 (accessed 28.06.2017) [in Rus].
11. 2017-global-retirement-index, p. 67, available at: https://ngam.natixis.com/us/resources/2017-global-retirement-index (accessed 27.06.2017) [in Rus].

For citing: Panyushkina E.V. Some aspects of implementing economic interests in the digital economics// Socium i vlast. 2017. № 5 (67). P. 101–105.

UDC 330.16

SOME ASPECTS OF IMPLEMENTING ECONOMIC INTERESTS IN THE DIGITAL ECONOMICS

Panyushkina Elena Vladimirovna,
Omsk State Transport University,
Associate Professor of the Department
Chair of Economics,
Cand. Sc. (Economics),
Omsk, Russia.
E-mail: paniushkina@mail.ru

Annotation
The problem of realizing economic interests in conditions of transition of modern Russia to a new social and economic way is considered. The digital economy forms new objective contradictions of digitized and unencrypted economic interests, which complicates the mechanisms for realizing the economic interests of agents who are behind «digital platforms». Trends of blurring the regulator's responsibility boundaries for the realization of economic interests are analyzed in the context of transformation of Russian society.

Key concepts:
economic interests,
responsibility of a regulator,
digitalization of society.